

Г. В. Колодко¹

КИТАЙСКАЯ ЭКОНОМИКА В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ²

Возрастание роли Азии в мировой экономике

Китай все еще остается в значительной степени просто Средним Царством. Пусть не для всего мира, но он является таковым, по крайней мере в Азии, где возрастает роль более развитых экономик и более образованных обществ. Поэтому поднимается вопрос, не идет ли Азия с Китаем во главе к тому, чтобы взять власть над миром. Кто-то думает, что так и есть, и даже если это не является намерением и целью правящих там элит, то все равно такова логика исторического процесса. Если согласиться с такой оценкой ситуации в мире, то остается всего 90–100 лет до окончания периода доминирования Запада и захвата ведущей позиции Востоком. Предположительно, это должно случиться в начале XXII века.

Растущая экономическая мощь Азии — это заслуга не одного Китая. Объем производства и численность населения региона быстро возрастают. На континенте проживают почти 4 млрд 500 млн человек; это при-

мерно 60 % населения мира и около 55 % населения за пределами Среднего Востока, который часто рассматривается отдельно по геополитическим причинам. На этой территории производится 47,3 % валового мирового продукта (ВМП) — немного больше, чем Европа и Северная Америка, вместе взятые. Или на 8 % больше, чем в совокупности производят США и Евросоюз. В будущем и доля населения Азии, и доля производства будут продолжать расти за счет естественного прироста населения и более высоких темпов экономического роста, чем во всем мире. Нужно вспомнить, что было время, когда доля Азии в мировом производстве превышала 60 % — фактически на протяжении всего предыдущего тысячелетия до примерно 1820 года, то есть до начала промышленной революции в западном мире. В 1950 году ее доля составляла менее 20 %, но двух поколений оказалось достаточно, чтобы этот показатель увеличился более чем в два раза.

Азиатский континент очень разнообразен — культурно, политически и экономически. Территориально он простирается от Турции и Израиля на западе до Японии и русской Сибири с Камчаткой и Чукоткой на Дальнем Востоке. Кроме азиатской части России, которая обычно не включается в расчеты по Азии, четыре основные части континента — это Китай, Япония и две региональные интеграционные группировки — АСЕАН в Юго-Восточной Азии, в которой не преобладает ни одна из экономик, и СААРК в Южной Азии, где доминирует Индия — региональная супердержава, если учитывать численность населения (1,28 млрд), экономику

¹ Вице-премьер, министр финансов Польши (1994–1997, 2002–2003), директор Исследовательского института Университета Леона Козьминского (Варшава), иностранный член РАН, доктор экономических наук, профессор. Автор 50 книг и более 400 статей, изданных на 26 языках, в т. ч.: «25 лет трансформации: от неolibеральных провалов к прагматичному росту» (в соавт.), «Мир в движении», «Глобализация, трансформация, кризис — что дальше?», «От шока к терапии. Политическая экономия постсоциалистических преобразований», «Куда идет мир: политическая экономия будущего» и др. Член Европейской академии искусств, наук и гуманитарных исследований. Почетный доктор десяти иностранных университетов.

² Доклад основан на отрывках из книги “Czy Chiny zbawia świat?” (Варшава : Издат. дом Prószyński i S-ka, 2018).

(доля в мировом производстве 7,4 % по паритету покупательной способности — ППС) и вооруженные силы (расходы на оборону составляют 2,5 % ВВП).

Из 12 стран, население которых превышает 100 млн человек, 7 — Китай, Индия, Индонезия (261 млн), Пакистан (206), Бангладеш (159), Япония (126) и Филиппины (105) — находятся в Азии. Из 20 экономик, доля которых в мировом производстве превышает 1 %, 9 — Китай, Индия, Япония, Индонезия, Турция, Южная Корея, Саудовская Аравия, Иран и Таиланд — находятся в Азии. Поэтому, размышляя о будущей роли Азии — ее демографическом потенциале и культуре, политической важности, экономическом влиянии, следует учитывать, что это почти самый крупный регион в мире во всех отношениях.

Действительно ли все так уж плохо на Западе и так хорошо на Востоке, что американцы вынуждены идти на нешуточные протекционистские меры, чтобы спасти свою шкуру? Или, может, китайцы уже что-то замысливают и используют глобализацию для того, чтобы мир оказался под их гнетом? Эпоха азиатского доминирования уже началась, а евроатлантическая цивилизация отходит на второй план? Нам и в самом деле нужно учить сначала китайский, а потом английский?

Новый шелковый путь

Благодаря лидирующим позициям в экономической, политической и военных областях, растет влияние Китая на все, что происходит в мире. В обозримом будущем положение дел не изменится, потому что этот процесс нельзя остановить, а тем более повернуть назад мирными методами (о других речи не идет). Все остальные должны это признать, несмотря на собственные интересы и предубеждения. Конечно, если Китай не отвернется от мира и не замкнется в деструктивной автократии, как уже сделал однажды в прошлом.

Размер страны имеет свои преимущества, но это также и проклятие. Китай, как и США, и Россия и, в меньшей степени, Индия и Япония или Франция и Великобритания, а также Бразилия и Нигерия в региональных масштабах, должен демонстрировать величие — экономическое, политическое и военное.

В дополнение к поиску своего места в постоянно меняющемся мире надо сделать рывок в будущее и сделать попытку помириться с остальными. Сегодня это сделать несколько проще, поскольку некоторые процессы идут в противоположном направлении, если сравнить с прошлым. С одной стороны, Китай постоянно привлекает производственные мощности западных корпораций, переходя на их высокие технологии, и одновременно все больше размещает свое производство за границей, уже имея в своем распоряжении современные производственные технологии. С другой стороны, прямые инвестиции более богатых стран, хотя и продолжают идти в Китай, направляются также в другие экономики, и не только в азиатские, где заработная плата ниже, чем в Китае. Их бенефициары включают среди прочих Индию, Пакистан, Вьетнам, Камбоджу, Бангладеш и Мьянму. К этому процессу добавляются последствия продолжающегося роста курса китайской валюты. Из-за роста расходов на производ-

ственный персонал, которые в последнее время увеличиваются на 20 % в год, и повышения курса юаня Китай уже не так конкурентоспособен, как был когда-то.

Более того, в США и других западных странах с высокоразвитой экономикой отмечается снижение интереса к аутсорсингу и вынесению предприятий в офшорные зоны. Это происходит в тех случаях, когда низкая стоимость рабочей силы играет относительно малую роль в общих расходах на производство и продажу той или иной продукции. Экономические расчеты никуда не исчезнут и не перевернутся с ног на голову, но политическая концепция будет «выправлена».

На этот раз брошенный Китаем вызов основан не на прошлой попытке (к счастью, неудачной) экспортировать революцию, а в первую очередь на экспорте товаров и, что важно, капитала. Он сопровождается различными сделками, усиливающими китайское присутствие по всему миру. Это можно увидеть как в международной статистике, так и невооруженным глазом во время путешествий по различным частям света. Однако не сразу заметны и при этом очень важны далеко идущие, серьезные последствия проектов, финансируемых в обмен на долгосрочные стратегические контракты на поставку сырья. Это особенно ярко выражено в Африке и Латинской Америке, но все еще остается относительно маломасштабным в Центральной Азии, на Среднем Востоке, в Восточной Европе и — что интересно и важно — в российской Сибири. В будущем здесь произойдут радикальные перемены, и грандиозная программа, представляемая как Новый шелковый путь, будет играть в этом ключевую роль. Программа предусматривает значительные инвестиции в инфраструктуру, предназначенную для расширения торговли между Китаем и его иностранными партнерами на западе, юге и севере. Программа нацелена на сотрудничество с несколькими десятками стран в Азии, на Среднем Востоке, Севере, а также в Восточной Африке, Центральной и Восточной Европе.

За всеми проектами всегда стоят два «и»: идеи и интересы. Так и здесь, хотя на этот раз, в отличие от того времени, когда председатель Мао хотел экспортировать коммунистическую революцию, идеи остаются на втором плане. Правда, есть мнение, что Китай намерен проводить идеологическую и политическую экспансию в другие страны, но определенно речь идет не о том, чтобы побуждать других следовать китайским путем, и даже не о навязывании китайской экономической и политической модели, а об экономических факторах.

Китайские политики и экономисты подчеркивают необходимость продолжения глобализации, потому что она принесла им больше пользы, чем кому-либо другому. В то же время они подчеркивают необходимость смены характера и нынешнего курса процесса глобализации. В этом контексте на первый план выдвигается значение такого инструмента, как инициатива «Один пояс — один путь». Эта инициатива предназначена для того, чтобы трансформировать глобализацию, в ее нынешней форме отвергаемую многими, в глобализацию, которая станет более полезной для человечества, чем то, что предлагал Запад.

Вторая «и» — интересы, и они отчетливо выходят на первый план. Это большой бизнес, так как в том, что касается размеров, это гигантский проект, хотя его масштабы еще не полностью известны даже в Пекине. Говорят, что инициатива «Один пояс — один путь» охватывает 65 азиатских, европейских и африканских стран, в которых проживает свыше 60 % населения планеты на 38,5 % ее территории. Торговля между этими странами составляет 35 % мирового товарооборота; их валовой продукт — 30 % мирового производства, а бытовое потребление — 24 % того, что потребляет все человечество.

Инициатива «Один пояс — один путь» как инструмент инклюзивной глобализации

Как подчеркивают китайские власти, инициатива «Один пояс — один путь» создает великолепные возможности для сотрудничества в пяти областях:

- культурный обмен через продвижение межличностных отношений и сотрудничество;
- координация политики через планирование и поддержку крупных инфраструктурных проектов;
- финансовая интеграция через усиление координации валютной политики и двустороннего сотрудничества в финансовой сфере;
- торговля и инвестиции через поддержку межстрановых капиталовложений и сотрудничество в цепях поставок;
- *взаимосвязь производственных мощностей* путем создания мощностей, которые позволяют контактировать вдоль пояса и пути.

Хотя в названии проекта использовано слово «путь», он четко не прочерчен его авторами. Конечно, путь должен проходить по территории стран, которые запланированы в качестве участников проекта. Разумеется, их включал Китай, хотя по не вполне понятным основаниям. Это захватывающая геополитическая и геэкономическая игра, цели которой четко не определены, а правила полностью не ясны. Имеется много игроков; предположительно, карты уже раздали, но никто не знает, все ли это карты. Ведется ли игра только на столе или некоторые карты передаются под столом? Политические декларации остаются туманными и, конечно, полны заверений о доброй воле инициатора, но во многих местах Евразии (и не только) они вызывают сомнения и беспокойство. Экономические цели только очерчены, и невозможно сформировать четкое мнение о том, что, где, когда, на чьи деньги будет построено и как этим будут управлять. Именно так идет эта не ограниченная временем игра.

Приглашенные участники ждут ее с нетерпением, надеясь, что присоединение к проекту на этом этапе не будет для них ничего стоить и, может быть, со временем они получат от него значительную выгоду. Угрозы репутации также нет, поскольку, несмотря на усиливающиеся атаки Запада на Китай, необходимость сотрудничества с ним очевидна. Таким образом, никто не отказался от участия в проекте, даже те страны, у которых в последнее время были не лучшие отношения со Средним Царством. Необходимо особо подчеркнуть, что только Китай может себе позволить такой

гигантский проект, о котором он объявил в одиночку и который инициировал таким же образом.

При взгляде на карту в первую очередь в глаза бросается географический критерий. Почти все страны Азии, вся Центральная и Восточная Европа вовлечены в проект, а также Египет, поскольку что же это будет за дорога без Суэцкого канала? Таким образом, из-за специфической политкорректности и простоты нанесения на карту на ней представлены страны, через которые, как предполагается, пойдет Новый шелковый путь.

Страны Латинской Америки не были официально приглашены в программу «Один пояс — один путь», но инициаторы проекта называют их «естественным расширением» и «необходимыми участниками» предприятия. Иначе говоря, Китай действует как обычно, все больше инвестируя в Латинскую Америку, и содействует своим компаниям, поощряя их проникновение на эти рынки, в отличие от их северного соседа, который открыто препятствует подобным движениям. Это происходит из-за поведения Дональда Трампа, который оскорбительно отзывается о некоторых из них, особенно о Мексике и Сальвадоре. В то же время, когда американский президент в типичном для него стиле говорил, что имел в виду что-то другое, а не то, что сказал *de facto*, — на этот раз на Всемирном экономическом форуме в Давосе через год после выступления китайского президента — китайский министр иностранных дел Ванг Йи присутствовал на собрании всех 33 стран, входящих в Сообщество стран Латинской Америки и Карибского бассейна, СЕЛИАК (Comunidad de Estados Latino americanos y Caribeños — *исп.*), и выступил против торгового протекционизма, а также предложил региону «Стратегию общей пользы и общей прибыли» [1].

Фактически никто точно не знает, сколько, где, когда и как китайцы собираются инвестировать в сухопутные и морские коммуникации при осуществлении проекта «Новый шелковый путь». В поступающей информации фигурирует цифра 4 трлн долларов, которая должна впечатлить всех даже в самых богатых странах, которые находятся несколько дальше, в конце пути, например во Франции и Великобритании, потому что это больше, чем их ВВП.

В слаборазвитых странах Китай вносит большой вклад в инфраструктуру для развития человеческого капитала — школы и университеты, поликлиники и больницы. Если посмотреть на геополитическую карту мира с этой точки зрения, довольно легко заметить, что Китай особенно активен там, где Запад потерпел неудачу.

Китай также активен там, где провалился Советский Союз, особенно Россия как его основная часть. Это разочарование все еще отбрасывает густую тень на политику и экономику, на культуру и менталитет в Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане, Туркменистане и Узбекистане. В этом очень интересном регионе, который ни в коем случае не настроен автоматически на поддержание политической стабильности и устойчивого развития, мы имеем уникальную смесь: он находится в точке соприкосновения укоренившихся-

ся черт, являющихся результатом русского, азиатского и исламского влияния, а также советского наследия. Теперь к этому добавилось влияние Китая и стран Запада. Последнее объясняется, с одной стороны, важностью региона в борьбе с международным терроризмом, с другой — богатыми энергетическими ресурсами, которые принимаются в расчет во всем мире.

Кстати, стоит отметить, что географическое положение может быть благословением, как в случае Швейцарии, зажатой между Германией, Францией, Италией и Австрией, а может быть и проклятием, которое испытал на себе Ирак, расположенный между Ираном, Турцией и Саудовской Аравией. Смогут ли постсоветские республики Центральной Азии, занимающие важное место на Новом шелковом пути, так же использовать свое местоположение на пользу, или другие воспользуются этим преимуществом? Если кто-то находится в зоне, где за влияние конкурируют Китай и США или Европейский союз и Россия, от этого можно как многое потерять, так и многое выиграть. Однако для того, чтобы это случилось, в первую очередь нельзя позволять себе антагонизма по отношению друг к другу, а также во взаимоотношениях с этими крупными игроками на мировой арене.

Мировая экспансия Китая

Очевидно, что в стране активно поддерживается рост социально-экономического развития и ведется борьба с бедностью, но по этой же причине Китай подозревают и даже обвиняют в дурных намерениях, идеологической индоктринации и политической коррупции. Если бы дело обстояло так, это не изменило бы того факта, что такая стратегия помогает другим экономикам, находящимся на более низком уровне развития, в их стремлении освободиться от экономической зависимости. И если это угрожает балансу влияний, то вместо непродуктивной критики китайской экспансии лучше усилить поддержку со стороны богатого Запада и прагматично переориентировать направления деятельности международных организаций, в которых доминирует Запад.

Вместе с экспортом капитала и товаров Китай также «экспортирует» часть своих навыков из сферы «мягкой» инфраструктуры. Это именно те позитивные практики, о которых мы так любим говорить в теориях управления. Как в самом Китае, так и в других странах даже самые быстрые поезда не могут ходить без правил дорожного движения, а более образованный персонал не обеспечивает социально-экономического прогресса автоматически. Это тем более не может привести к успеху в экономиках, которые являются отсталыми по сравнению с китайской. Поэтому они могут и должны учиться у китайцев. Знания и навыки в настоящее время являются особо ценным «товаром». Я поставил это слово в кавычки, потому что это не товар в буквальном смысле, то есть продукт человеческого труда, предназначенный для обмена на рынке, — в этом случае зачастую речь идет о нефинансовых трансферах.

Благодаря стипендиям десятки тысяч иностранных студентов живут в Китае, получают знания в областях,

предпочтительных с точки зрения внешней экспансии Китая. Я читал лекции в Пекинском университете группе из 40 иностранных студентов-стипендиатов. Почти все они были гражданами стран, которые оказались на Новом шелковом пути.

Китай также использует свое присутствие и растущую активность в международных организациях, особенно во Всемирном банке (ВБ), Международном валютном фонде (МВФ) и Азиатском банке развития (АБР), для того чтобы влиять на институциональные решения, направление и проведение политики развития в тех странах, которым эти организации оказывают финансовую помощь и которым предоставляются профессиональные консультации. Китайское влияние ни в коем случае не оказывается сильнее западного, особенно ВБ и МВФ, но все чаще можно видеть, как в страны, освобождающиеся от экономической зависимости, посылают китайских экспертов от той или иной международной организации, и все чаще можно почувствовать «китайский дух».

За всем этим следует дипломатическое наступление. В настоящее время в Китае работает 166 посольств, и столько же китайских посольств открыты по всему миру. На одно больше у США — 167. Со временем, когда произойдет реинтеграция Китайской Народной Республики и Тайваня (а это обязательно случится), именно у Китая будет больше всего дипломатических представительств в мире. Сегодня же, если учитывать не только посольства, но и все дипломатические посты, то их у Китая 268, а у США 273. Для сравнения следует упомянуть, что у России 242 поста, а у Франции 266.

Китай является крупнейшим или вторым по объемам торговым партнером примерно 80 стран. Поэтому неудивительно, что происходящее там в большой степени определяет обстановку в других местах в мировой экономике. Экспорт Китая достигает 2,2 трлн долларов США, получателем номер один являются Соединенные Штаты Америки (18,2 %), за ними следуют (не учитывая Гонконга, где КНР продает 13,8 % своих экспортируемых товаров) Япония (6,1 %), Южная Корея (4,5 %) и Германия с немного меньшей долей. Объем импорта примерно на 425 млрд долларов меньше, здесь на первом месте Южная Корея (10,0 %), за которой следуют Япония (9,2), Германия (5,4) и Австралия (4,4 %), и только после них — США, экспорт из которых в Китай меньше австралийского. Обращаю внимание, что на карте Нового шелкового пути отсутствуют два соседа Китая — Южная Корея и Япония, из которых в Поднебесную поступает до пятой части экспорта.

Зависимость от китайской экономики является многосторонней и выходит далеко за границы прямого экспорта и импорта. В специализированной литературе даже появился новый показатель — *индекс синозависимости*, отражающий изменения в фондовом индексе S&P 500, зависящие от рейтинга 135 компаний, которые в него включены и получают доходы от операций в Китае. Когда китайская экономика растет, котировки на фондовых биржах тоже растут, и наоборот. Когда в 2009–2012 годах, отмеченных мировым кризисом,

индекс синозависимости увеличился на 130 %, индекс S&P 500 поднялся более чем на 50 %. Иначе говоря, если бы не продолжение китайского бума, экономическое положение и ситуация на биржах, которая отражает его во многих других странах, включая самые развитые, были бы значительно хуже. Поэтому если кто-то желает Китаю недоброе, это означает, что он желает зла себе.

Вывод

Китай выступает за глобализацию и одновременно указывает на необходимость ее большей инклюзивности, признает, что невозможно обойтись без сокращения коммерческого и финансового дисбаланса в мировой экономике, больше, чем некоторые высокоразвитые страны, заботится об экологическом равновесии (хотя ранее внес немалый вклад в его разрушение), и постепенно встает на путь экономической политики, диктуемой новым прагматизмом [2]. Там едва ли существует неолиберализм, коррупционная составляющая капитализма постепенно уменьшается (хотя и медлен-

но), а идеи и мнения, связанные с новым прагматизмом, множатся.

Китай может существенно помочь при формировании желательного будущего, снижая растущие глобальные угрозы и риск огромной катастрофы, выходящей далеко за пределы экономики. А эта угроза реальна, если бы, с одной стороны, можно было перенаправить экономику на неолиберальные рельсы *в обычном режиме*, а с другой — было бы невозможно контролировать эскалацию нового национализма. Однако можно надеяться, что катастрофы не случится, и в большой степени это произойдет благодаря Китаю.

Литература

1. China moves into Latin America // The Economist. — 2018. — Febr. 3rd [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.economist.com/news/americas/21736192-asian-giant-taking-advantage-other-powers-lack-interest-region-china-moves>
2. Kolodko G. W. The New Pragmatism, or Economics and Policy for the Future / G. W. Kolodko // Acta Oeconomica. — 2014. — Vol. 64, № 2. — P. 139–160.